

Великий немой, который заговорил

Размышления о современном кино на фоне баррикад

Два дня, в субботу и в воскресенье, по телевидению шел новый документальный фильм Дмитрия Федоровского «Переворот», а параллельно по всем программам — хроника трех дней провалившегося путча. Представляя фильм, Никита Михалков говорил о том, что, может быть, если бы М. С. Горбачев или В. Н. Ельцин увидели его, то сработало бы в них чувство опасности, не поехал бы Президент СССР на отдых в Крым, который уже когда-то закончился для его предшественника отставкой...

Что ж, рекомендация для фильма прекрасная, но, смотря его, отдавая должное мастерству его создателя, я ловил себя на том, что мне перестала быть интересной вся эта закулисная возня людей, мнящих себя политиками. После ночи, проведенной с 20 на 21 августа в пикете на Калининском проспекте рука об руку с мальчишками, которые годятся мне в сыновья, я не могу отделаться от мысли о безответственности и цинизме власти. После вида крови и того, чему названа нет, — следу от человека, по которому проехал танк, этому клочку человека, обложенному цветами, я не верю, что фильминструкции отрезвят или чему-то научат наших правителей. Издавая закон о защите чести президента, они давно забыли о чести народа. Покрывая убийства в Тбилиси, Вильнюсе, Баку, Киргизии, Молдавии, они позволили сделать возможным кровопролитие в Москве. Фильм «Переворот» опоздал для всех нас, которые за

три дня стали другими, которые поняли: чтобы отстоять нашу честь, специальные законы не нужны, потому что она просто есть.

И еще: мы сегодня больше не хотим книг и фильмов-инструкций, пусть их смотрят те, кто следил за их идеологической выдержанностью, кто точно знал, как должен быть одет и как должен вести себя положительный герой, какая мера эротики и героизма ему присуща. Хотя вот что любопытно: знать-то они знали, но когда опечатавали здания МК и ЦК КПСС, так и не нашлось ни одного коммуниста, именно такого, как в кино, чтобы вышел к народу, разорвал на себе рубаху и произнес пламенную речь.

А вот те, кто насаждает на экраны «эотику и насилие», вышли на баррикады вместе со всем народом и отстояли свою свободу. И сегодня, в День кино, мы предлагаем фрагменты беседы с молодой актрисой Александрой Захаровой, только одной из тех многих, кто был в эти тревожные дни у «Белого дома». Александру Захарову зритель знает и по ее ролям в театре Ленком, и по телевизионным и художественным фильмам «Дом, который построил Свифт», «Формула любви», «Криминальный талант», «Дракон». Хорошо знаком зрителям и ее муж — замечательный артист театра и кино Владимир Стеклов. Их я увидел на исходе ночи с 20 на 21 августа, когда над Калининским проспектом

сквозь туман пробивалось солнце, чуть улеглась ночная тревога. Трагедия уже произошла. Они шли, взявшись за руки, молчаливо, спокойно, в каких-то красивых светлых одеждах, и им не хотелось мешать. Наш разговор с Сашей состоялся через два дня.

— Саша, вы сейчас снимаетесь в трех фильмах: «Невеста из Парижа», «Вальпургиева ночь» и «Прикосновение». Не кажется ли вам, что многие фильмы, даже те, которые сейчас в работе, могут после этих событий устареть?

— Да, скорей всего так и будет. Очень сильная переоценка ценностей произошла. Мы провели почти три ночи на улицах. Я — женщина, и казалось бы, трусливая, но, как говорится у Твардовского: «Я не хуже и не лучше всех живущих на земле». Там были такие же молодые ребята, девчонки, как я. Они стояли, а на них ехали БТРы. Я это видела. Это было на моих глазах. Раздавили людей. Я видела эту кровь.

— Как вы считаете, возможен ли теперь поворот к сталинизму, к тоталитаризму?

— Несколько дней назад был возможен. Сейчас нет. Я не думала, что увижу на площади столько молодежи. Ведь были люди разных возрастов, профессий. Но это были совсем другие лица. Никто не наступил на ноги, никто не задел, не оскорбил чем-то друга. У всех была какая-то внутренняя уверенность, что за тебя заступятся, тебя защитят. Было такое невероятное бережное отношение друг к

другу. Я человек верующий, крещеный, когда загрохотали БТРы, сразу вспомнились все молитвы. Теперь мы молимся за погибших. Хотя я считаю, что этих жертв могло бы не быть.

— Как вы относитесь к безответственности, к безнравственности власти? Ведь в конце концов на баррикадах защищали не Горбачева и даже не Ельцина? Защищали законность...

— Защищали свободу. Свободу и наше будущее. Никто не захочет жить в фашистском государстве.

Пожалуй, кто-то скажет, что это интервью имеет лишь косвенное отношение к «праздничной» дате — Дню кино. А не пора ли нам перестать заниматься самообманом? От наличия в календаре всех этих «дней» — металлурга, шахтера, медика, кино, ведь ни шахтерам, ни медикам, ни кинематографистам лучше жить не стало. Так, еще одна подкачка, еще одна имитация заботы о человеке — мол, знаем, что и вы есть на этом свете. Тем более, что если судить по киноафишам, то этот день непременно надо переименовать — в День американского кино, пусть хоть они порадуются. Из почти 400 фильмов, выпускаемых киностудиями страны, за год лишь несколько десятков удостоиваются внимания кинопроката. Поэтому тем, кому повезет, я могу посоветовать посмотреть остроумный, бурлескный фильм Виктора Титова «Анекдоты». Анекдоты — жанр этот сугубо наш, на-

циональный. Только у нас знают подлинную силу анекдота, его многозначность и глубину, наконец, его провоцирующую дерзость и его подлинную цену, ведь были времена, когда хороший анекдот «тянул» на десять лет сталинских лагерей.

Как нельзя кстати сегодня прозвучат фильмы «Армавир» Вадима Абдрашитова и Александра Миндадзе и «Дом под звездным небом» Сергея Соловьева. Первый — о невозможности людей, переживших катастрофу, вновь вернуться в прежнее русло своей жизни.

Лента Сергея Соловьева — едкая, ироничная фантазматическая история о наших мнимых ценностях, наших реальных страхах, наших метаниях между религией и вооруженным бунтом... Жаль, что уже почти год, как пробивается к экрану фильм Глеба Панфилова «Мать», где подробно исследуется механизм предательства, исследуется аморальность рабства, а, главное, настойчиво звучат два таких важных сегодня мотива: один из них — что кровь порождает кровь, и другой — что материнская любовь выше всякого страха, выше всякого запрета и догмы, и что нет такой силы, которая запретила бы нам быть чьими-то родителями или чьими-то детьми, быть просто людьми.

Это мы в полной мере осознали в день переворота, в день Преображения Господня, который пообещал преображение нас самих.

П. КУЗЬМЕНКО.